

М. Дымарский

Онегин и зеркало
Диалог с Ю.М. Лотманом
о дуэли в пушкинском романе*

В 1992 году не стало Юрия Михайловича Лотмана. Мне не довелось учиться у него — лишь однажды я присутствовал на лекции, которую он прочитал, кажется, в 1981 году для студентов и преподавателей факультета русского языка и литературы ЛГПИ им. А.И. Герцена. И все же для меня он — один из Учителей. Тех, у кого учишься и на кого равняешься всю жизнь.

Его памяти я посвящаю эту скромную работу. Конечно, диалога, обозначенного в подзаголовке, никогда не было, да и сама работа по форме монологична. Но думать и тем более писать о «Евгении Онегине» после Ю.М. Лотмана — значит быть в постоянном диалоге с ним.

I

Одна из вечных загадок пушкинского романа — вопрос о том, почему Онегин убивает Ленского. Не станем утруждать читателя перечислением общеизвестных противоречий между отношением Онегина к Ленскому и поведением героя на дуэли. Рассмотрим некоторые наиболее значительные интерпретации поведения Онегина, попытаемся оценить их убедительность и найти в тексте романа дополнительный материал для размышлений.

Необходимо с самого начала сделать следующую важную оговорку. Вопрос о том, почему Онегин убивает Ленского, имеет смысл только в том случае, если мы воспринимаем Онегина как реалистического героя. Роман А.С. Пушкина, однако, столь сложно и многоуровнево организован, что

* Впервые опубликовано в: Филологические заметки: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.П. Котуровой. Пермь, 2002. Для настоящей публикации в текст работы внесены исправления и дополнения.

данный путь интерпретации, традиция которого была заложена еще В.Г. Белинским, не является единственно возможным. Ю.М. Лотман писал: «...герои романа могли многообразно интерпретироваться, не укладываясь ни в одну из интерпретаций безоговорочно»; «обилие метаструктурных элементов в тексте «Онегина» не дает нам забыть в процессе чтения, что мы имеем дело с **литературным** текстом: погружаясь в имманентный мир романа, мы не получаем иллюзии действительности, поскольку автор не только сообщает нам об определенном ходе событий, но и все время показывает декорации с обратной их стороны и втягивает нас в обсуждение того, как можно было бы иначе построить повествование. <...> Однако стоит нам, выйдя за пределы внутренней по отношению к тексту позиции, взглянуть на него в свете оппозиции «литература — действительность», чтобы с известной долей изумления обнаружить, что «Онегин» вырывается из чисто литературного ряда в мир реальности»¹. Вот это «вырывание из чисто литературного ряда в мир реальности» и дает основание для размышлений о причинах поведения героев. Многообразие возможных интерпретаций не отменяет реалистической основы пушкинского сюжета, и вряд ли необходимо здесь напоминать хрестоматийно известное замечание Пушкина о том, что в романе «время расчислено по календарю». Если мы видим в романе исключительно многоуровневое воплощение авторской воли, то поставленный выше вопрос должен быть переформулирован так: почему автор заставляет Онегина убить Ленского? Различие этих двух подходов к анализу романа заключается, помимо прочего, в том, что второй из них не допускает восприятия героев как реалистических персонажей и отрицает осмысленность первого подхода, в то время как первый относится ко второму толерантно. В самом деле, поиски реалистических мотивировок поведения героев вовсе не отменяют последующего вопроса о том, зачем автор сделал своих героев именно такими, то есть, в частности, почему заставил Онегина стать убийцей друга. В этом существенное преимущество первого подхода — не говоря уже о том, что и школьное изучение романа целиком опирается именно на него.

Пушкин в повествовании о дуэли удивительным образом избирателен. Он весьма детально описывает то, что происходит с героями накануне дуэли, посвящает две строфы позднему пробуждению Онегина и его торопливым сборам, но опускает ряд существенных деталей. Нам остается неизвестным, о чем договорились секунданты, на каком расстоянии были установлены ближние барьеры, как именно целились противники и др. Мы можем *предполагать*, что условиями дуэли не запрещалось стрелять на ходу, — на том основании, что противники начинают целиться, продолжая сближение, — но именно только предполагать; причем если это предположение верно, то расстояние между ближними барьерами остается неопределенным, если же неверно, то можно пола-

гать, что противники стреляли с ближних барьеров, расстояние между которыми нам в таком случае известно.

Но главным остается все тот же вопрос: почему Онегин, с его презрением ко всяческим нормам, с одной стороны, и дружеским расположением к Ленскому — с другой, — не только не предотвратил дуэль, не нашел пути к примирению непосредственно перед ее началом (и, судя по тексту, не хотел найти), но и убил друга. Мотивы принятия вызова и последующие размышления Онегина нам известны; занятие и — в общих чертах — род мыслей и чувств бывших друзей непосредственно перед началом дуэли — тоже. Но ни слова о том, что испытывает и что думает Онегин (как и Ленский) во время поединка, каковы его намерения, меняются ли они в ходе дуэли, в романе нет.

Кстати, строфа XXVIII гл. 6, целиком посвященная чувствам и мыслям героев перед дуэлью, особенно примечательна в следующем отношении. В интерпретациях романа стереотипно противопоставление наивного романтического юноши Ленского опытному скептическому Онегину, мотивированное хрестоматийной цитатой («Они сошлись. Волна и камень...» и т. д.); это противопоставление часто распространяется и на отношение обоих к дуэли, и, что важно, на степень готовности к ней. Ироничный и беспощадный к любым беспочвенным фантазиям В.В. Набоков характеризует Онегина как... «бесстрашного и насмешливого стрелка»², как будто речь идет о Долохове или Печорине, а В.А. Кошелев и вовсе считает Онегина «опытным дуэлянтом»³, в противоположность Ленскому, который, по мнению автора, «где-то слышал, что уважающие свою честь люди в таких случаях вызывают на дуэль», а на самой дуэли «вполне серьезен — как серьезен бывает ребенок, стреляющий из игрушечного пистолета: дуэль опять-таки не входит в его поэтический и житейский опыт»⁴. Об устойчивости такого мнения относительно Онегина свидетельствует то, что и Я.А. Гордин именует его «опытным поединщиком»⁵. Между тем никаких оснований для характеристики Онегина как опытного дуэлянта текст романа не дает. Единственное упоминание об оружии мы находим в первой главе, строфа XXXVII:

И хоть он был повеса пылкий,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

Судя по всему, именно из этих стихов В.А. Кошелев и выводит представление о дуэльной опытности Онегина: «условия дуэли, составленные <...> Зарецким (? В тексте романа об этом ни слова нет⁶. — *М.Д.*), рассчитаны на дуэльный автоматизм опытного человека, на того же Онегина, поднаторевшего (*sic.* — *М.Д.*) в “брани”»⁷. Неясно, в каком смысле условия дуэли могли быть рассчитаны или не рассчитаны на «дуэльный авто-

матизм», но еще важнее то, что «и брань, и сабля, и свинец» могли быть просто упражнениями в фехтовании и стрельбе. О предшествующих дуэлях Онегина в тексте прямо ничего не говорится, и слишком мало оснований для того, чтобы рассматривать цитированные три стиха как намек на них (единственное, но слабое основание — соединение в уступительно-противительной конструкции понятий ‘повеса’ и ‘любовь к брани и оружию’). Были бы дуэли — весьма вероятно, что было бы и явное упоминание о них. Да и в целом характеристика Онегина в первой главе (до наступления хандры) никак не совпадает с обликом бретера (ср. характеристику Зарецкого в гл. 6, IV—VII).

Следовательно, нет никаких оснований и для противопоставления Онегина Ленскому по признаку наличия дуэльного опыта. О том, что *оба* в некоторой — весьма неопределенной — мере лишь *готовы к возможности* дуэли, говорит наличие у обоих дуэльных ящичков с пистолетами и прочими принадлежностями. Но не более.

Однако дело не только в этом. В XXVIII строфе шестой главы Пушкин ни разу не называет противников по именам и пользуется только общими для обоих номинациями: *враги, друг другу, их, они, им*. Все, о чем идет речь в этой строфе, *в равной мере* относится к обоим противникам: и то, что «ныне злобно, / Врагам наследственным подобно, / Как в страшном, непонятном сне, / Они друг другу в тишине / Готовят гибель хладнокровно», и то, что «дико светская вражда / Бойтся ложного стыда», — все это касается не только Онегина, но и Ленского. Вопреки В.А. Кошелеву, который стремится представить Ленского совершенным ребенком, по Пушкину выходит, что сознание романтического юноши «с душою прямо геттингенской», которого соседи не случайно считают «полурусским», не в меньшей мере, чем Онегина, заражено светскими предрассудками. Если в разнообразных жизненных ситуациях превосходство старшего, более опытного Онегина над Ленским несомненно, то в ситуации дуэли они равны — «как в страшном, непонятном сне»⁸. Запомним этот нюанс: он нам еще пригодится.

Теперь обратимся непосредственно к существующим объяснениям поведения Онегина. Если исходить из того, что в этой ситуации оно могло определяться, по меньшей мере, четырьмя факторами: а) условиями и правилами дуэли; б) мыслительными и поведенческими стереотипами светского человека; в) чувствами к бывшему другу; г) естественными инстинктами, — то можно теоретически предположить соответствующие пути такого объяснения: Онегин стреляет первым и убивает Ленского, так как

- 1) его вынуждают к этому условия и/или правила дуэли;
- 2) эта линия поведения диктуется светским стереотипом;
- 3) он ненавидит Ленского и желает его смерти;
- 4) им руководит инстинкт самосохранения.

Заметим, что последний вариант, как правило, избирают критики, оценивающие Онегина по преимуществу негативно и стремящиеся снизить его образ. Например, Д.И. Писарев прямо отвергает объяснение (2) и утверждает (4) как единственно верное: «Светский предрассудок обязывал Онегина идти навстречу опасности, но светский предрассудок несколько не запрещал ему выдержать выстрел Ленского и потом разрядить пистолет на воздух... Однако он поступил как раз наоборот. Он первый стал поднимать свой пистолет и выстрелил именно в то самое время, когда Ленский начал прицеливаться. Почему же он это сделал? <...> чувство самосохранения одержало верх над всеми предварительными соображениями»⁹. Сколь бы примитивным и снижающим образ героя ни казалось это объяснение, его отнюдь не следует игнорировать: в нем есть безусловный здравый смысл¹⁰.

Однако приведенные четыре варианта объяснений исходят из представления об Онегине как сугубо реалистическом герое, в поведении которого все должно быть если не непротиворечиво, то, во всяком случае, мотивировано. Если же учесть особенности пушкинского романа, о которых убедительно пишет Ю.М. Лотман¹¹, то следует иметь в виду еще один путь объяснений: в поступке Онегина проявились не столько «реально существовавшие» детерминанты поведения героя, сколько авторская воля. В этом случае «реалистические» объяснения могут показаться попросту излишними. Между тем в Комментарий самого Ю.М. Лотмана объяснения обоих типов не исключают друг друга, а, наоборот, совмещены: это вполне соответствует духу цитированной выше характеристики романа.

Итак, в поисках реалистических объяснений Ю.М. Лотман пишет: «Возникает, однако, вопрос: почему все-таки Онегин стрелял в Ленского, а не мимо? Во-первых, демонстративный выстрел в сторону являлся новым оскорблением и не мог способствовать примирению. Во-вторых, в случае безрезультатного обмена выстрелами дуэль начиналась сначала и жизнь противнику можно было сохранить только ценой собственной смерти или раны, а бретерские легенды, формировавшие общественное мнение, поэтизировали убийцу, а не убитого»¹². При этом автор ссылается на правило, зафиксированное в дуэльном кодексе В. Дурасова: «Стрелять в воздух имеет только право противник, стреляющий вторым. Противник, выстреливший первым в воздух, если его противник не ответил на выстрел или также выстрелил в воздух, считается уклонившимся от дуэли»¹³.

Аргументы Ю.М. Лотмана кажутся убедительными — но в то же время вызывают новые вопросы. **Во-первых:** почему Онегин должен считаться с тем, что выстрел в сторону станет «новым оскорблением», если он только что, демонстрируя «свое раздраженное презрение к истории, в которую он попал против своей воли и в серьезность которой все еще не верит»¹⁴, дважды оскорбил Ленского, грубо нарушив правила дуэли (опоздание и пред-

ставление в качестве секунданта слуги, то есть человека заведомо низшего по социальному статусу, по сравнению с секундантом противника), и оскорбил его в третий раз, нанеся непростительную обиду уже непосредственно его секунданту — Зарецкому? (Подробнее об этом см. ниже.)

Во-вторых: почему выстрел в сторону (речь идет о стреляющем первым) «являлся новым оскорблением»? В кодексе В. Дурасова, на который ссылается Ю.М. Лотман, такое поведение расценивается как *уклонение от дуэли* и считается *бесчестным поступком*, но не оскорблением, — и то *лишь при условии*, указанном в отрывке, который процитирован Ю.М. Лотманом. Однако Ю.М. Лотман не цитирует следующую статью кодекса В. Дурасова, которая вносит важный акцент в данную проблему. Во избежание разночтений приведем гл. XXXXVIII (sic. — М.Д.) из этого кодекса целиком:

Выстрел в воздух

«486. Стрелять в воздух имеет право противник, стреляющий вторым.

487. Противник, выстреливший первым в воздух, в случае если его противник не ответит на его выстрел или также выстрелит в воздух, считается уклонившимся от дуэли и подвергается всем законным последствиям такого поступка.

488. Другой противник, стреляющий вторым, имеет полное право ответить на первый выстрел противника, обращенный в воздух, действительным выстрелом, причем в таком случае дуэль считается истекшей по дуэльным законам и противник, выстреливший первым в воздух, не подвергается законным последствиям»¹⁵.

Таким образом, рассматриваемый тезис о «новом оскорблении» из указанного источника никак не следует: ясно, что «бесчестный поступок» (свидетельствующий о трусости) и оскорбление — отнюдь не одно и то же¹⁶. Более того, из § 488 видно, что сам по себе выстрел в воздух стреляющего первым вовсе не неизбежно должен был означать и бесчестный поступок. Если бы Онегин следовал нормам, изложенным в этом кодексе, он — теоретически — мог бы демонстративно первым выстрелить в воздух, предоставляя обиженному Ленскому решать: стрелять по противнику (с намерением убить или с намерением легко ранить) и, таким образом, нанести ему урон, но спасти его честь, демонстрируя благородное великодушие, — или стрелять в воздух, выставя противника бесчестным человеком. Другое дело, что совершить поступок, который может привести к бесчестию в случае воли к тому другого человека, Онегин никогда бы себе не позволил. Однако заметим, что все эти рассуждения основаны на кодексе В. Дурасова. Между тем —

В-третьих: опора на кодекс В. Дурасова представляется в данном случае не вполне надежной — по двум причинам.

1. Этот кодекс появился в 1912 г. и «фиксирует те правила, которыми пользовались уже после легализации дуэлей в российской военной среде по указу Александра III от 13 мая 1894 г.»¹⁷. Между тем существовал более ранний кодекс Франца фон Болгара (1880, в русском переводе издан в Санкт-Петербурге в 1895), основанный на источниках, датированных 1836, 1848 и 1879 гг.¹⁸, и отражавший дуэльную практику периода, намного более близкого к описываемому Пушкиным¹⁹. В этом кодексе ни словом не упоминается о наличии или отсутствии у соперников права на выстрел в воздух — независимо от того, первым или вторым стреляет дуэлянт. Ю.М. Лотман указывает — и, по-видимому, справедливо — на то, что неписанный российский дуэльный кодекс первой трети XIX в. был более жесток, нежели его западноевропейские аналоги; и все же факт отсутствия кодификации права на выстрел в воздух в кодексе фон Болгара весьма показателен.

О том, что в пушкинскую эпоху отношение неписанных дуэльных правил к выстрелу в воздух могло быть несколько отличным от зафиксированного в кодексе В. Дурасова, косвенно свидетельствуют два упоминания о выстреле «на воздух» в сцене дуэли Печорина и Грушницкого. Первое встречаем тогда, когда Печорин комментирует предложенное им ужесточение условий дуэли: «Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но **теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или наконец оставить свой подлый замысел** и подвергнуться одинаковой со мной опасности». Второе — после бросания жребия, когда выясняется, что Грушницкому стрелять первому: «Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного <...> **Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух**; я был уверен, что он выстрелит на воздух! **Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка**» (Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени²⁰) (В обеих цитатах полужирный шрифт мой. — М.Д.). Как видим, ни о каком бесчестии как вероятном следствии выстрела в воздух (Грушницкий должен стрелять первым!) и тем более ни о какой оскорбительности такого поступка здесь речи не идет.

2. Условия дуэли, вопреки всем правилам, могли быть изменены самими дуэлянтами уже после того, как секунданты пришли к соглашению о таких условиях, удовлетворившему обоим противников, и даже в ходе дуэли. Основанием для такой возможности служил как раз неписанный характер правил поединков. Прецедент описан М.Ю. Лермонтовым в той же сцене дуэли Печорина и Грушницкого (на нее ссылается и Ю.М. Лотман, однако этот момент, как и предыдущий, обходит вниманием): Печорин сначала ужесточает условия дуэли, а затем, уже после выстрела

Грушницкого, настаивает на повторном зарядании своего пистолета, что резко противоречит любым правилам. Однако справедливые с точки зрения буквы правил возражения драгунского капитана Печорин отводит угрозой стреляться уже с ним — «на тех же условиях». Таким образом, активная позиция участника поединка может весьма существенным образом сказаться и на условиях, и на ходе дуэли, а возражения секундантов — записных бретеров — могут быть отведены: была бы воля²¹. Если же учесть, что дуэль Онегина и Ленского происходила не столько по правилам, которые накануне дуэли и не оговаривались по той простой причине, что секунданты впервые увидели друг друга на месте поединка, сколько с нарушением всех правил, то ссылаться на эти правила, объясняя поведение Онегина, нецелесообразно. Даже если бы Зарецкий, жаждавший кровавого исхода больше самих противников, настаивал на продолжении дуэли после безрезультатного обмена выстрелами, его требования вполне могли быть нейтрализованы, тем более что условия дуэли даже не фиксировались на бумаге (вопреки кодексам и фон Болгара, и Дурасова).

Вывод: версия о том, что Онегин в принципе мог бы выстрелить в воздух, что не было непреодолимых препятствий такой тактике, все-таки имеет право на существование. Разумеется, со стороны Онегина было бы еще благороднее выдержать первый выстрел Ленского и затем «разрядить свой пистолет на воздух», как указывает Д.И. Писарев и как мог бы сказать любой человек, хоть что-либо знающий о дуэлях в России, но требовать этого от пушкинского героя все же не приходится: в таком случае это был бы совершенно иной герой и другой роман.

Намного убедительнее выглядят дальнейшие рассуждения Ю.М. Лотмана — об автоматизме поведения Онегина: дуэль, «как всякий жесткий ритуал... лишает участников индивидуальной воли. Остановить или изменить что-либо в дуэли отдельный участник не властен (впрочем, как мы только что видели, это не всегда так. — *М.Д.*). <...> Герой романа, отстраняющий все формы внешней нивелировки своей личности... в шестой главе *ЕО* изменяет себе: против собственного желания он признает диктат норм поведения, навязываемых ему Зарецким и «общественным мнением», и тут же, теряя волю, становится куклой в руках безликого ритуала дуэли. <...> Основным механизмом, при помощи которого общество, презираемое Онегиным, все же властно управляет его поступками, является боязнь быть смешным или сделаться предметом сплетен. <...> Поведение Онегина определялось колебаниями между естественными человеческими чувствами, которые он испытывал по отношению к Ленскому, и боязнью показаться смешным или трусливым, нарушив условные нормы поведения у барьера»²².

Последнее сказано настолько хорошо, что можно условно назвать эту фразу «формулой Лотмана», хотя остается неясным, как в поведении Оне-

гина во время дуэли сказываются «естественные чувства» к Ленскому. По-видимому, в данном случае автор имел в виду более широкий контекст: поведение Онегина не только во время дуэли, но и накануне нее. В целом же, как видим, в рассуждениях Ю.М. Лотмана фигурируют доводы первого и второго типов: апелляция к правилам дуэли и к автоматизму поведения светского человека.

И все же, если учесть, что «условные нормы поведения у барьера» допускали несколько большую свободу трактовки по сравнению с тем, как это представляет Ю.М. Лотман, в объяснении того, что Онегин стреляет первым, целясь при этом не в воздух и не в ногу Ленского, остается некая лакуна: не хватает доводов, убеждающих в невозможности другого поведения.

Кстати, не совсем ясна и следующая оговорка Ю.М. Лотмана: «противник, метивший в ноги, особенно с дальнего расстояния, *то есть поспевавший как Онегин*, часто попадал в грудь. Даже исключительно опытный дуэлянт Якубович, «метя в ляжку», попал в руку <Грибоедова>»²³. Онегин стрелял с 14 шагов [32 — (9 + 9)]²⁴, что, в сравнении с исходными 32 шагами, не представляется дальним расстоянием²⁵, и не метил в ногу — об этом в тексте упоминаний нет, как и вообще упоминаний о том, куда целились противники. Кроме того, рука и грудь — отнюдь не одно и то же: попасть в руку, особенно опущенную²⁶, целясь в ноги²⁷, более вероятно, нежели в грудь, — даже при всем несовершенстве оружия (пистолеты с нарезными стволами на дуэлях, как правило, не применялись²⁸). А Ленский был убит выстрелом в грудь навывлет.

В.В. Набоков в своих Комментариях к роману А.С. Пушкина пишет: «Странно (т. е. вразрез со складом ума, которым наделил его автор в предыдущих главах) ведет себя именно Онегин, когда он не только принимает вызов, но и стреляет первым с намерением убить. Надо помнить, что честь джентльмена очищалась от позора не столько его собственным выстрелом, сколько способностью хладнокровно выдержать выстрел противника»²⁹; «Психоаналитик отметил бы жутковатое, как во сне, поведение Онегина в то утро — как будто Онегин заражен недавним ночным кошмаром Татьяны. Мы все знаем это испытываемое во сне ощущение «запаздывания», эти случайные «превращения» (как здесь — камердинер превращается в секунданта), эти «упущения», это странное неудобство, за которым последует беззаботное избавление. Онегин ведет себя так, как он никогда бы не стал себя вести в нормальном состоянии душевной бодрости. Он наносит Ленскому необоснованное оскорбление, сильно проспав, — из-за чего возбужденный юноша вынужден ждать несколько часов на ледяном ветру. Он забывает почему-то позаботиться о свидетеле и, зная так же хорошо, как и Зарецкий, что в поединке между господами секунданты должны быть того же социального статуса, что и участники дуэли, которых они сопровождают, является со слугою, еще раз глупо оскорбляя

Ленского. Он первым производит выстрел с намерением убить, что совсем не в его характере. Ленский, без сомнения, жаждал крови, но Онегин, бесстрашный и насмешливый стрелок, будь он в здравом уме, конечно, отложил бы свой выстрел или даже не воспользовался бы своим правом стрелять, напротив, оставшись в живых, отказался бы от выстрела, т. е. разрядил свой пистолет в воздух. Когда Ленский падает, кажется, что Онегин вот-вот проснется (как это было с Татьяной) и поймет, что все было сном»³⁰.

Как видим, В.В. Набоков, в отличие от Ю.М. Лотмана, не сомневается в том, что Онегин стрелял первым с намерением убить, но объясняет это не нормами поведения у барьера, не светскими предрассудками, не ненавистью к Ленскому и не инстинктом самосохранения, а тем, что Онегин не «в здравом уме». По мнению автора, в здравом уме Онегин поступил бы так, как предложил еще Писарев. Таким образом, и Набоков, и Писарев («бывают странные сближенья»!) предъявляют к образу Онегина реалистическое требование мотивированности всех поступков и отсутствия противоречий между ними. При этом Д.И. Писарев считает, что за поведением героя на дуэли кроется один действительный мотив — желание сохранить свою жизнь, — а В.В. Набоков отказывается видеть какие бы то ни было действительные мотивы.

Безусловно, прав Ю.М. Лотман в следующем: «Поведение Онегина на дуэли неопровержимо свидетельствует, что автор хотел его сделать убийцей поневоле. И для П<ушкина>, и для читателей романа, знакомых с дуэлью не понаслышке, было очевидно, что тот, кто желает безусловной смерти противника, не стреляет с ходу, с дальней дистанции и под отвлекающим вниманием дулом чужого пистолета, а, идя на риск, дает по себе выстрелить, требует противника к барьеру и с короткой дистанции расстреливает его как неподвижную мишень»³¹. Здесь сомнение возникает только по поводу дальности дистанции (см. выше).

Подведем итог рассмотрению объяснений поведения Онегина.

Д.И. Писарев считает, что оно объясняется инстинктом самосохранения.

В.В. Набоков полагает, что оно не объясняется ничем, кроме странного (как во сне) помутнения рассудка героя в это утро.

Ю.М. Лотман говорит, что оно объясняется 1) на уровне авторского замысла — волей автора; 2) на уровне реалистических мотивировок — случайностью: Онегин стреляет первым «с дальней дистанции» (?), намереваясь, по-видимому, легко ранить Ленского и целя ему в ногу (??), но пуля попадает в грудь. При этом комментатор исходит из не высказываемой прямо, но хорошо ощущаемой презумпции: ритуал дуэли подчинен системе правил, установок, традиций, образующих непротиворечивое логическое единство. Об этом свидетельствует, например, мотивировка Ю.М. Лотманом того, что Онегин целится в Ленского, а не в воздух, хотя,

как мы видели, собственно правила дуэли допускают амбивалентную трактовку этой ситуации.

Между тем в отношении дуэльной логики представляется существенной позиция А.В. Вострикова: «Дуэль часто называли предрассудком, а к концу XIX века — пережитком. При этом имелась в виду неподчиненность дуэли законам логики, оцениваемая как бессмысленность или ущербность»; на самом же деле, по мнению автора, «дуэль строилась на особом типе логики, традиционно связываемом с понятиями мифа и ритуала»³². Определяющей для этого типа логики является парадоксальность — впрочем, участниками дуэли не осознаваемая как таковая. Если с этим согласиться, то придется в конечном счете отказаться от надежды найти объяснение поведению Онегина в правилах ритуала.

И все же очевидно, что позиция Ю.М. Лотмана, в сравнении с двумя другими, наиболее аргументированна, хотя внимательный разбор его аргументов оставляет впечатление, скажем так, недосказанности. Примечательно, что, подробно доказывая невозможность выстрела в воздух для стреляющего первым и этим мотивируя то, что Онегин целился в Ленского, автор оставляет в стороне главный вопрос: почему Онегин вообще стрелял первым? Конечно, он вел себя не так, как, например, Завадовский в дуэли с Шереметевым, но ведь изначальная установка на то, чтобы сначала дожидаться выстрела противника, могла быть вызвана не только желанием его «безусловной смерти», но и, как мы видели, противоположным желанием. Почему же Онегин все-таки стрелял первым?

II

Вернемся к «формуле Лотмана». Она включает два компонента, и не вполне ясно, почему какой-либо один из них оказался сильнее. Другое дело, если был еще и третий компонент: тогда ясно, почему чаша весов могла склониться в ту или иную сторону. Думается, что именно об этом третьем компоненте пишет и сам Ю.М. Лотман, когда говорит о раздражении против Ленского, втравившего Онегина в историю, глупость которой он прекрасно сознавал³³. Логика поведения Онегина в таком случае формулируется в выражениях типа «ты этого хотел — так получи». Действительно, это раздражение сказалось и в оскорбительном опоздании, и в не менее оскорбительном представлении слуги в качестве секунданта. Насколько точно, однако, найдено само слово? *О раздражении* ли следует здесь вести речь?

Стоит, кстати, обратить внимание на вызывающую форму реплики Онегина: «*Я не предвижу возражений / На представление мое: / Хоть человек он неизвестный, / Но уж конечно малый честный*» (курсив мой. — М.Д.).

По поводу этих слов Онегина Ю.М. Лотман пишет: «Онегин оскорбляет Зарецкого не только тем, что приводит в качестве своего секунданта

наемного лакея, но и этим обращением. *Известный* — здесь имеет ироническую окраску, близкую к той, которую придавал Гоголь слову “исторический” применительно к Ноздреву. Упоминание о том, что Гильо “малый честный”, было прямым оскорблением Зарецкому, поскольку подразумевало противопоставление в этом отношении одного секунданта другому. Именно поэтому “Зарецкий губу закусил”»³⁴.

Однако приглядимся к фразе Онегина внимательнее, чтобы точнее уяснить суть оскорбления, наносимого Зарецкому. «Основание» для отведения возможных возражений заключается, как следует из второй части онегинского «представления», не в том, что Гильо, скажем, обедневший французский дворянин, и даже не в том, что он просто «француз и свободно нанятый лакей» и потому «формально не мог быть отведен»³⁵, а в том, что он человек *честный*. Пушкинский герой великолепно пользуется способностью уступительной конструкции передать некоторый смысл, не выражая его словесно. Логическая структура здесь строится на соотнесенности двух качеств: честности / бесчестности и известности / безвестности человека. В представлении несветского человека эта соотнесенность имеет следующий вид (если иметь в виду отношения прямой обусловленности):

- (α) (X) честность человека *влечет за собой* (Y) его известность;
 (β) (–X) бесчестность человека *влечет за собой* (–Y) его безвестность.

Или, если переставить местами члены пар:

- (α') (Y) известность человека *свидетельствует о* (X) его честности;
 (β') (–Y) безвестность человека *свидетельствует о* (–X) его бесчестности.

Такая логическая структура позволяет построить следующие конструкции непрямой обусловленности (уступительные):

- (а) *Хотя X, (но)* –Y: Хотя человек он честный, (но) он неизвестен;
 (а') *Хотя –Y, (но)* X: Хотя это неизвестный человек, (но) он честен;
 (б) *Хотя –X, (но)* Y: Хотя человек он бесчестный, (но) он известен;
 (б') *Хотя Y, (но)* –X: Хотя это известный человек, (но) он бесчестен.

В случае с *monsieur Guillot* верен вариант (а') — его и использует Онегин. Но, в полном соответствии с логикой уступительной конструкции, из нее легко вычлениаются неназванные звенья: коль скоро отношением непрямой обусловленности связаны компоненты (–Y) и (X), нетрудно связать аналогичным отношением компоненты (–X) и (Y) — ср. варианты (б) и (б'). Именно это и подразумевает Онегин, и Зарецкий, как явствует из следующего стиха, отлично его понимает. Он и не мог не понять Онегина — и не столько потому, что тоже знал русский язык, сколько потому, что варианты (б) и (б') существовали не только как реализации отношений *непрямой* обусловленности

сти между указанными качествами, но и как реализации отношения *прямой* (!) обусловленности — в извращенной морали той части высшего света, которая в реальности была представлена фигурами типа Федора Толстого-Американца, или Завадовского, или Каверина, а в литературе получила отражение в образах лермонтовского «Маскарада», Печорина из «Княгини Лиговской», толстовского Долохова, пушкинского Зарецкого и др.:

(α) (X) честность человека *влечет за собой* ($-Y$) его безвестность;
(β) ($-X$) бесчестность человека *влечет за собой* (Y) его известность.

Эта аморальная система ценностей была хорошо знакома как Онегину, так и Зарецкому.

При этом нужно иметь в виду, что под *честностью* в первой четверти XIX в., как известно, подразумевалось отнюдь не только нравственное качество человека, а значительно более широкое понятие, очевидным образом связанное с фундаментальной для дворянского сословного самосознания категорией чести (*честный* человек — человек *чести*). Отказать дворянину в честности (= в признании его человеком чести) означало поставить под сомнение его дворянское достоинство: худшего оскорбления для дворянина быть не могло. Удачно эта мысль сформулирована А.В. Востриковым: «Можно было быть честным дворянином или же бесчестным, подлым — но уже не дворянином»³⁶. Именно такое оскорбление подразумевает Онегин — и предпочитает снести Зарецкий (!): ведь формально придаться не к чему, так как ни слова о личности Зарецкого Онегин не произносит. Отстаиванию своей чести Зарецкий предпочитает месть: он, досконально знающий все законы дуэли, сознательно нарушает первейший из них — секунданты обязаны предложить противникам примирение, — как и ряд других. Логика его поведения ясна: за нанесенное ему оскорбление один из противников заплатит кровью — тем более, что причина дуэли в сравнении с этим оскорблением — детская шалость.

Заметим, что в начале шестой главы, в строфе IV, Пушкин иронически характеризует Зарецкого: «Теперь же добрый и простой / Отец семейства холостой, / Надежный друг, помещик мирный / И *даже честный человек*» (курсив мой. — М.Д.). Весьма выразительна эта переключка между позициями Автора и Онегина по отношению к Зарецкому — не только по сути оценок, но и по роли модальных операторов в подчеркивании этой сути (частица *даже* у Автора — вводно-модальное *уж конечно* у Онегина). Модальный компонент *уж конечно*, употребленный Онегиным, особенно оскорбителен для Зарецкого: именно он, передающий значение '*можно сомневаться в чем-либо другом, но в этом — не приходится*', недвусмысленно указывает на то, что Онегин сознательно подразумевает противопоставление Гильо Зарецкому по признакам известности / неизвестности и честности / бесчестности (вопреки Ю.М. Лотману, считающему прямым

оскорблением само упоминание о честности Гильо; слова *малый честный* вне уступительной конструкции и без сопровождения модального компонента вряд ли могут реализовать скрытое противопоставление). Если даже сохранить уступительную конструкцию, но изъять *уж конечно*, оскорбительность становится почти незаметной: *Хоть человек он неизвестный, но малый честный*. Модальным компонентом Онегин наиболее сильно выражает — непрямо, но вполне отчетливо — сомнение в честности Зарецкого.

Итак, Онегин умышленно и утонченно наносит Зарецкому оскорбление, *далеко превосходящее по силе* то, что Ленский счел мотивом для вызова. Уместно спросить: почему жертвой столь сильного раздражения Онегина становится еще и Зарецкий? Только потому, что его выбрал в секунданты Ленский? Такая же участь ожидала бы любого человека в этом качестве? Думается, что нет. Зарецкий слишком заметная фигура, само участие его в этой истории сильно осложняет дело («К тому ж — он мыслит — в это дело Вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист...» [глава 6, XI]): мирный исход невозможен именно из-за его участия. Не забудем о том, что Онегин неплохо знает Зарецкого и ценит некоторые его качества:

...мой Евгений,
Не уважая сердца в нем,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том, о сем.
Он с удовольствием, бывало,
Видался с ним...

(6, VIII)

Однако в новой ситуации в облике Зарецкого актуализируется доминанта, которой Онегин не придавал особого значения до тех пор, пока не оказался втянут в дуэль с его участием — по милости Ленского. По тонкому замечанию В.Г. Маранцмана, «Пушкин дал Онегину гадкое зеркало — Зарецкого»; скептицизм первого и цинизм второго имеют общее — светское — происхождение³⁷; в глазах же Онегина «зеркало» прислано не Пушкиным, разумеется, а Ленским. Зарецкий олицетворяет ту силу, которая властно управляет поведением Онегина помимо его воли, и мерзость облика Зарецкого вполне коррелирует с характером этой силы. Но если так, то раздражение Онегина направлено не только и не столько против Ленского, сколько против этой силы: Ленский в данном случае оказался с нею заодно, причём на острие столкновения.

А это уже существенно иная картина. И, пожалуй, не о раздражении здесь надо говорить, а о **злобе**. Именно это слово — у Пушкина: «Ныне *злбно...*».

Еще раз заметим: Пушкин опускает в повествовании о дуэли ряд немаловажных деталей. Тем существеннее, в таком случае, поданный «крупным планом» момент представления Онегиным своего секунданта, содержащий

оскорбление Зарецкому, которое может быть истолковано и как протест героя против силы, которую Зарецкий в его глазах олицетворяет.

Что это, однако, за сила и каково отношение к ней Онегина?

Разумеется, речь идет о жестком диктате светских норм поведения и, шире, жизни. Еще в первой главе, в описании светского дня Онегина, Пушкин, обронив фразу «Везде поспеть немудрено», тем не менее дважды на протяжении трех строф упоминает о брежете: звон часов постоянно подгоняет героя. Выучив наизусть все закоулки светской любви и светских развлечений, герой обнаруживает, что *обязан* с тем же рвением, что и раньше, мелькать везде, где суетится уже неинтересная ему жизнь высшего круга: иначе он перестанет для света существовать. Это одна из причин отчужденности и тоски Онегина («Я был озлоблен, он *угрюм*»). Разумеется, ни о каком *сознательном* противостоянии диктату света в случае Онегина говорить не приходится; но в его отходе от света, отъезде в деревню, оберегании своего почти никем не нарушаемого одиночества и образа жизни («жизнь Онегина *святая*») можно видеть *стихийный* протест против этого диктата.

Онегина в определенном смысле можно назвать «промежуточным» человеком. Во всяком случае, таким он показан в романе. Он родился русским, но воспитан французами; живет в деревне — и предпочитает все английское. Искушен в светской жизни — и испытывает невыносимую скуку от нее, выбирает деревню — но не становится своим среди помещиков, как, впрочем, и любителем природы. Полагает себя мудрецом — и, не понимая разницы между светским суррогатом жизни и подлинной жизнью, совершает одну непоправимую ошибку за другой. Ощущая себя везде чужим, он ищет берег, к которому можно было бы пристать.

Выстроив определенную модель существования в деревне, Онегин уверен, что нашел, наконец, устойчивое равновесие, надежную точку опоры («Я думал: вольность и покой Замена счастью...»). Заметим, что это все, что у Онегина есть (в восьмой главе, в том же письме Татьяне, он напишет: «*От всего, что сердцу мило, Тогда я сердце оторвал*»).

Совсем недавно Онегин отказался от любви Татьяны — почему? Потому ли, что она не тронула его сердца? Потому ли, что высокомерному светскому льву «была не новость Смиренной девочки любовь», как убежденно скажет позже Татьяна? Неверно! — «Но, получив посланье Тани, / Онегин *живо тронут* был: / Язык девических мечтаний / В нем *думы* ро- ем возмутил; / И вспомнил он Татьяны милой / И бледный цвет и вид унылый; / И в *сладостный, безгрешный сон* / Душою погрузился он» (гл. 4, XI; курсив мой. — М.Д.). Думы и сон — о чем? Совершенно естественно предположить, что Онегин размышляет, не жениться ли на Татьяне: ведь ничего нового от жизни «мудрец пустынный» уже не ждет — так почему бы не жениться, осуществив то, что предназначено любому нормальному человеку, тем более что Татьяну он оценил, в отличие от Ольги,

достаточно высоко? «Безгрешный сон», однако, непродолжителен: стоит Онегину вспомнить о любви и браке, как в сознании воспроизводится светский стереотип того и другого — настолько хорошо ему известный, насколько и непривлекательный. (Именно этот стереотип он со знанием дела разворачивает перед Татьяной в своей проповеди в саду.) О существовании другой любви — не суррогата — «мудрец» и не подозревает. Следовательно, женившись на Татьяне, он ее обманет, а себя лишит столь драгоценного равновесия. Нет, лучше быть не таким, как все, и не брать на душу грех обмана, а главное, — сохранить найденную модель существования, гармонично соединяющую «вольность и покой».

А равновесие оказывается неустойчивым и настолько хрупким, что для его нарушения достаточно неудачной шутки. Еще ничего хорошенько не осмыслив, Онегин *чувствует* в завязавшейся дуэльной истории серьезную угрозу столь дорогому ему status quo — и испытывает почти бешенство от того, что не находит способов эту угрозу отвести. И Зарецкий — самая серьезная помеха.

Вот чем можно объяснить искреннюю, вовсе не наигранную злобу Онегина. В его глазах Ленский кругом виноват: это *он* обманул Евгения («И, никого, уверен я! Кто будет там? своя семья»), *он* неверно понял смысл «ухаживанья» Онегина за Ольгой, *он* прислал вызов, и *он* же — роковая ошибка! — выбрал себе в секунданты Зарецкого. Выбор этой фигуры — знак того, что намерения поэта нешуточны. В глазах Онегина Ленский заслуживал бы снисхождения, если бы не затеял столь опасную игру, в которой для снисхождения места нет, так как противники в ней равны, а свидетели опытные и коварны. Наконец, Ленский настолько упрям (чтобы не выразиться сильнее), что продолжает упорствовать в своей ревнивой злобе. Как и Онегин, он трагически заблуждается и по поводу своего прошлого и настоящего («Он мыслит: “буду ей спаситель. Не потерплю, чтоб развратитель...”»); но Евгений еще не знает, что и сам заблуждается относительно своего настоящего не меньше Ленского³⁸, и потому не видит в нем собственного отражения.

Вот эта искренняя злоба Онегина и обнаруживается в серьезном оскорблении, которое он наносит Зарецкому; она же является и причиной того, что он стреляет первым. Стеля в Ленского, Онегин стреляет в угрозу с таким трудом найденной устойчивой модели существования, стреляет в Зарецкого, олицетворяющего все наиболее агрессивное и презренное в свете, стреляет в злобного врага, желающего его смерти, — стреляет в зеркало, не понимая, что видит в нем свое отражение.

А когда зеркало разбито, наступает страшное пробуждение.

¹ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 98—99 (полужирный шрифт автора. — М.Д.).

² *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; Под ред. А.Н. Николюкина. ИНИОН РАН. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 603.

³ *Кошелев В.А.* «“Онегина” воздушная громада...». СПб.: Академический проект, 1999. С. 75.

⁴ Там же. С. 73—74.

⁵ *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. С. 31.

⁶ В.В. Набоков в своем комментарии отмечает этот факт (Указ. соч. С. 606).

⁷ *Кошелев В.А.* Указ. соч. С. 74.

⁸ Об этой важной особенности дуэльной ситуации вообще — уравнивать противников, заведомо неравных в любом ином отношении, — хорошо пишет Ю.М. Лотман: «Перед лицом поединка придворный шаркун, любимец императора аристократ и флигель-адъютант В.Д. Новосильцев оказывался равен подпоручику Семеновского полка, без состояния и связей, из провинциальных дворян К.П. Чернову» (*Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство, 1995. С. 531—532). Вспомним и хорошо известный дуэльный эпизод в «Войне и мире»: Пьер, который первый раз в жизни держит в руках пистолет, опасно ранит опытного дуэлянта, бретера Долохова — и при этом остается невредим.

⁹ *Писарев Д.И.* Соч.: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 3. С. 332.

¹⁰ Характерно в этом смысле, что совпадающую с писаревской точку зрения высказала при обсуждении доклада, положенного в основу этой статьи, проф. Н.Я. Дьяконова, идейные позиции которой, как нетрудно видеть из ее работ, весьма далеки от позиций Д.И. Писарева.

¹¹ См.: *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова.

¹² *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. С. 536.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 535.

¹⁵ *Дурасов В.* Дуэльный кодекс // *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. С. 249. Для полноты картины добавим, что, согласно § 493—498 того же кодекса, основные «законные последствия» бесчестного поступка сводились к следующему: дуэль прекращалась, секунданты противной стороны имели право застрелить совершившего бесчестный поступок, сама дуэль рассматривалась уже как простое убийство или покушение на него, и дело передавалось судебным властям (Там же. С. 250).

¹⁶ С другой стороны, в «Бесах» Ф.М. Достоевского описана дуэль, участник которой, выстрелив первым и легко ранив противника, почитает себя *оскорбленным* тем, что тот *отвечает* выстрелом в сторону (дуэль Гаганова и Ставрогина). Поведение Гаганова кажется курьезным даже секундантам, но показательно, насколько далеко от духа писанных и неписанных кодексов может отходить их трактовка в возбужденном сознании дуэлянта.

¹⁷ *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 123—124.

¹⁹ В.В. Набоков в своих комментариях опирается на кодекс Клонмеля, принятый в 1775 г. в Типперери, и дополнительные правила, принятые в Гэлвее, и ни словом не упоминает о кодексах фон Болгара и Дурасова. См.: *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 605—606.

²⁰ Цит. по: *Лермонтов М.Ю.* Избр. произв.: В 2 т. Л.: Лениздат, 1957. Т. 2.

²¹ Кстати, воля секундантов также могла стать причиной изменения правил поединка уже в ходе его. Так произошло, например, во время дуэли между А. Кушелевым и Н. Бахметевым в 1803 г.: несмотря на то, что предварительными условиями поединка было оговорено иное, секунданты настояли на его прекращении после первого — безрезультатного — обмена выстрелами (*Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 64).

²² *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 537—538.

²³ Там же. С. 672.

²⁴ См.:

<...>

Зарецкий *тридцать два* шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел *по крайний след*,
И каждый взял свой пистолет.

XXX

«Теперь сходитесь».

Хладнокровно,

Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага <...>
Вот *пять* шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил...

(Евгений Онегин. 6, XXIX—XXX. Курсив мой. — М.Д.)

Текст приводится по изд.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995 (переиздание академического собрания 1937 г.)

²⁵ Относительно дальним это расстояние может считаться только в сравнении с дуэльной практикой первой четверти XIX в., когда «обычное расстояние между барьерами... было 10—12 шагов» (*Лотман Ю.М.* Комментарий... С. 537), но согласимся, что разница между 14 и 12 шагами не столь уж велика.

²⁶ Судя по всему, рука Грибоедова в момент выстрела Якубовича была опущена: по рассказу Н.Н. Муравьева, «пуля попала ему в левую кисть руки. Грибоедов приподнял окровавленную руку свою, показал ее нам...» (*Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 72).

²⁷ Следует заметить, что в цитированном рассуждении Ю.М. Лотман опирается на рассказ Н.Н. Муравьева о дуэли Грибоедова и Якубовича. Я.А. Гордин подчеркивает, что, хотя в честности и порядочности Н.Н. Муравьева никаких сомнений быть не может, он «смотрел на происходящее глазами Якубовича, который обладал мощным даром воздействия на людей и которому он, плохо его

зная, искренне сочувствовал», и «потому его интерпретации конкретных фактов не безусловны». «Плохо верится, — продолжает Я.А. Гордин, — чтобы Якубович, зная, что в случае промаха или нанесения легкой раны ему придется выдержать выстрел противника с предельно сокращенного расстояния, стрелял в ногу (как он говорил Муравьеву сразу после поединка) или в кисть левой руки (как он говорил позже <...>)». Далее автор перечисляет серию примеров дуэлей со смертельным исходом от раны в живот и добавляет: «Дантес, как он сам утверждал, стрелял Пушкину в ногу, но попал в живот... Это был удобный вариант, переносивший моральную ответственность на случай, на судьбу. Скорее всего, — резюмирует Я.А. Гордин, — Якубович стрелял Грибоедову в живот, но промахнулся» (Указ. соч. С. 73). Очевидно, что весьма правдоподобные суждения Я.А. Гордина заставляют несколько усомниться в рассуждениях Ю.М. Лотмана, конечный смысл которых состоит в утверждении мысли о случайности убийства Ленского.

²⁸ Известны, впрочем, отступления и от этой нормы. Так, в знаменитой дуэли между П.Д. Киселевым и И.Н. Мордвиновым, состоявшейся 24 июня 1824 г. в Ладыжине в 40 верстах от Тульчина, противники стреляли из «Кухенрейтеровских» пистолетов — крупнокалиберных и с нарезным стволом (см.: *Гордин Я.А.* Указ. соч. С. 57).

²⁹ *Набоков В.В.* Указ. соч. С. 572.

³⁰ Там же. С. 602—603.

³¹ *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 535.

³² *Востриков А.В.* Мифо-логика дуэли // *Невский архив: Историко-краеведческий сб.* М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 424.

³³ *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 535.

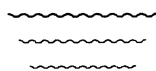
³⁴ Там же. С. 680.

³⁵ Там же. С. 534.

³⁶ *Востриков А.В.* Указ. соч. С. 414.

³⁷ *Маранцман В.Г.* Художественная литература: Кн. для уч-ся 9 кл. М.: Просвещение, 1991. С. 239.

³⁸ Вообще говоря, в высшей степени показательно, насколько устойчив мотив заблуждения, ценой которого становится счастье, а иногда и жизнь, в оригинальных сюжетах русской классики первой трети XIX в.: заблуждаются и Софья, и Чацкий, и Фамусов; и Онегин, и Ленский, и Татьяна; и Мери, и Грушницкий...

V

*Литература стран
Балтийского региона:
Польша*

